

С.С. Шляхова, О.В. Шестакова

Пермский государственный технический университет

ИЗУЧЕНИЕ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Представлен обзор классических и современных исследований звукоподражательности в немецком языке. Выявлен круг проблем в изучении немецкой ономапии. Приведены предварительные выводы по частеречному статусу звукоподражательных слов в немецком языке, их составу. На основе универсальной типологии ономапов С.В. Воронина рассматриваются немецкие ономапы удара, их сходство и своеобразие в сравнении с русским языком.

Звукоизобразительность, фоносемантика, звукоподражание, ономапия, романо-германские языки, немецкий язык.

Фоносемантика является относительно новым разделом языкознания. Основы фоносемантики были заложены С.В. Ворониным [5]. Предметом изучения фоносемантики является звукоизобразительная система языка (ЗИС), единицы которой обладают необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной фонетически мотивированной связью между фонемами слова и денотатом, т.е. фоносемантика исследует примарную (фонетическую) мотивированность языковых единиц. ЗИС любого языка состоит из двух подсистем: звукоподражательной (ЗП) и звукоименной (ЗИ).

Звукоподражательные слова (ономапии) дают основу для многих принципиальных теоретических обобщений. В данной статье, вслед за С.В. Ворониным, под звукоподражательностью понимается имитация звуковой стороны объекта, явления или действия средствами данного языка (плюх, вжик).

Основные задачи, которые ставит перед собой фоносемантика в сфере ЗП, сводятся к решению следующих важнейших проблем: параметры, классы и типы звучаний; строение звукового денотата; универсальная классификация звукоподражательных слов; их типология; отражение признаков звукового денотата; звукоизобразительные функции фонем звукоподражательного слова; звукоподражание на уровне текста; происхождение языка; онто- и филогенетическая эволюция языка; категории фоносемантики; фоносемантические регулярности; эвристические возможности фоносемантики [5].

Изучение звукоподражания имеет давнюю историю. Следует отметить, что изучением звукоподражательности в немецком языке занимались не так активно, как исследованием других фоносемантических проблем. В обзоре американской ученой М. Магнус более ста немецкоязычных работ посвящены исследованию синестезии (прежде всего, звукоцветовая ассоциативность), а также проблемам происхождения и филогенетической эволюции языка, фонетическому значению немецких звуков (преимущественно в работах психологов) и менее двадцати – звукоподражательности (из них большая часть посвящены ЗП в других языках) [30].

Проблемами звукоизобразительности в той или иной степени в разное время занимались крупнейшие немецкие философы, психологи и лингвисты (В. фон Гумбольдт, В. Вундт, Г. Штейнталь, Г. Пауль и др.). В. фон Гумбольдт и другие философы языка считают, что «каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство (Articulationssinn) подыскивает обозначающие это понятие звуки» [7, с. 103].

Представители этого направления (теории «фюсей») считают, что при переходе от примитивного языка к развитому под влиянием многочисленных факторов исторической эволюции происходит прогрессивная фонетическая демотивация, и, следовательно, то, что кажется произвольным в языке, есть результат прогрессирующего вырождения первоначального «истинного» языка [21], что согласуется с фоносемантическим законом стадиальности развития языка. Закон формулирует принципы развития языка, первая стадия – натуральная (в генезисе); вторая стадия – квазинатуральная и натурально-конвенциональная (в диахронии); третья стадия – конвенционально-натуральная (в современной синхронии) [5].

В. фон Гумбольдт определяет три способа обозначения понятий, которые коррелируют с понятием стадиальности развития языка в фоносемантике. «Живописный» способ, который «постепенно утрачивается в ходе развития и совершенствования языка, заключается в непосредственном подражании, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные». «Символический» способ для обозначения предметов «не исключает весьма значительной произвольности и избирает звуки, которые отчасти сами по себе, отчасти в сравнении с другими звуками рождают для слуха образ, подобный тому, который возникает в глубине души под впечатлением от предмета». «Аналогический» способ – «наиболее плодотворный из всех известных» – «строится на сходстве звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий», но при этом «не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер» [7, с. 94].

В.В. Левицкий, опираясь на идеи В. Гумбольдта, выделяет три основные группы (выявленные статистически) фонетико-семантических связей: 1) звукоподражания: *gr* + рычать, ворчать, скрип; *kr* + хруст, ворчать, грохот, крик, удар и т.п.; 2) звуковой символизм: *tr* + быстрый, *gl* + блеск, *fl* + слабый, вялый, *gl* + гладкий, скользкий и т. п.; 3) связи, не относящиеся ни к первой, ни ко второй группе, статистическая значимость которых обусловлена случайной распространённостью того или иного корня в данном языке и порождены «действием деривационного принципа формального и семантического развития» языка: чистить + *kl*, шутка + *tr*, щеголь + *sw*, пятно + *sm* [16, с. 72–73].

Таким образом, фоносемантические идеи немецких ученых актуальны в настоящее время и развиваются в работах современных ученых (С.В. Воронин, А.Б. Михалев, В.В. Левицкий, С.С. Шляхова).

На начальном этапе во всех языках внимание исследователей привлекает оноματοпея. Г. Пауль отмечает: «Осознавая окружающее, человек выделяет в нем не находящиеся в покое и безмолвные предметы, а в первую очередь предметы, движущиеся и звучащие» [22, с. 54]. В XVIII-XIX веках исследование звукоизобразительности происходит в значительной мере в русле оноματοпоэтической (звукоподражательной) и междометной теории происхождения языка (Г. Лейбниц, И. Гердер, В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, Г. Вундт, Г. Пауль). Междометная теория предполагает, что первыми словами языка были произвольные выкрики, которые возникали под влиянием чувства, эмоции. Звукоподражательная теория исходит из того, что первые слова были звукоизображениями, и связана со звукоизобразительными теориями. В данных исследованиях было немало интересных наблюдений, но, как отмечает С.В. Воронин, были и недостатки: ограниченный фактический материал, недостаточно строгая научная методика и абсолютизация принципа звукоподражания [5, с. 10].

Раннее сопоставительное исследование звукоподражательности в немецком и английском языках на материале названий человека принадлежит И. Рейниусу [приводится по: 30].

Одно из первых специальных исследований ЗИС немецкого языка проведено немецким ученым Г. Хильмером «Звукоподражание, словотворчество и изменение значений» [29]. Цель работы – установление звукоподражательного происхождения некоторых звуков в словах, обозначающих удар, падение и т.п., и выявление тенденций развития значений ЗИ-слов в немецком и английском языках. Так, к примеру, звуки, напоминающие удар, передаются звукоподражательными корнями, в конце которых взрывные согласные, длительные шумы – корнями, оканчивающимися фрикативными согласными, удар с последующими постепенно затухающими колебаниями – корни с ко-

нечными носовыми согласными. Звукоподражание в исследовании получает широкое понимание. В работе рассматриваются как звукоподражательные, так и звукосимволические слова. Для данного исследования характерно неразличение ономатопои, составляющей ЗП-подсистему (акустический денотат), и звукосимволических единиц, составляющих ЗС-подсистему (неакустический денотат) ЗИС языка. Звукоподражание, и звукосимволизм «недопустимо смешивать друг с другом ни при теоретическом рассмотрении, ни, тем более, при экспериментальном изучении, так как обе разновидности звукоизобразительности имеют свою специфику и требуют своих специфических методов изучения» [16, с. 15]. В работе предпринята попытка установить некоторые закономерности в характере соотношений между звукоподражательным словом и его денотатом.

А. Шмитт исследует звуки шлифования и удара, Е. Эрнст изучает звуки, издаваемые животными, и соответствующие им звукоподражательные глаголы в немецком, французском и итальянском языках [приводится по: 30].

В изучении звукоподражательности большое значение имеет работа Х. Виссеманна [33]. Исследование, проведенное на материале английского языка, вызвало большой научный резонанс: Р. Браун и Х. Марчанд активно обсуждают данные исследования немецкого ученого [31]. В классификации ономатопои, предложенной Х. Виссеманном, имеется «частичный выход в экстралингвистику» [5, с. 17]. В более ранних классификациях А. Фрелиха и Х. Марчанда звукоподражательные слова распределяются по фонемам, а не типам фонем в составе ономатопа, что является, по мнению С.В. Воронина, их существенным недостатком [5].

Большой вклад в исследование звукоподражательности внес Ш. де Бросс. Система уровней развития языкового знака французского ученого напрямую связана с прототипичностью и фоносемантикой звукоподражаний. В модели семиотической эволюции языка выделяются 5 «порядков» или этапов в развитии естественного языка. «К первому порядку относятся междометия или выкрики, спонтанно вызванные сильным чувством или элементарным умственным поведением. Стрдание затрагивает низкие струны (*Heu!*), удивление выражается более высоким звуком (*Ha!*), отвращение – лабиальной артикуляцией (*Pouah!*), сомнение или расхождение во взглядах – назальным (*Hum*), который может, соответственно, приносить и значение отрицания. Второй порядок образуют так называемые «мотивированные» (*nécessaires*) слова, форма которых продиктована строением голосового органа на определенной стадии его развития: так, детский словарь состоит преимущественно из гласных и лабиальных (*Maman, Papa, mamelle* etc.). В третьем порядке появляются слова «почти мотивированные», называющие голосовые органы, которые участвуют в произнесении того или иного звука: *gorge* – гуттуральный, *dent* –

дентальный, *langue* – лингвальный, *bouche* – лабиальный. Четвертый порядок – собственно звукоподражательный, т.е. сформирован словами, обозначающими предмет через подражание его звуковым свойствам. Этот способ ограничен тем, что может передавать только звучащие реалии, тогда как природа изобилует бесшумными предметами, воздействующими на другие органы чувств, в частности на зрение. Поэтому необходим пятый порядок, охватывающий слова, отображающие объекты незвучащей природы. Здесь впервые де Бросс приближается к понятию синестезии, связывающей ощущения различных модальностей и перекодирующей зрительные, осязательные, обонятельные и прочие впечатления в слуховые» [цит. по: 21, с. 20–21]. Данная система имеет универсальный фоносемантический характер: в ней представлены звукоподражательные и звукосимволические единицы, из которых состоит ЗИС любого языка. Таким образом, звукоподражательная подсистема немецкого языка включает: 1) первообразные междометия: например, *ach, ha* «возглас удивления»; *hu* «возглас ужаса, отвращения»; 2) детские слова: например, *baba* «звук укачивания», *ata gehen* «идти гулять, идти на улицу»; 3) звукоподражания: например, *knips* «звук шелкания», *knicks* «хруст, треск». Как видно, для звукоподражаний характерна неоднородность состава.

По мнению большинства немецких исследователей (К. Бюлер, В. Шмидт, Т. Шиппан, И. Эрбен и др.), лексический пласт звукоподражательных слов является периферийным в немецком языке, так как является малочисленным и играет незначительную роль в системе немецкого языка. Ономатопы приводятся преимущественно в качестве примера действия фонетико-фонологической мотивировки или же включаются в исторический обзор в рамках теории номинации. Однако русскоязычная германистика подвергает сомнению данный тезис: ЗИС современного немецкого языка «значительно богаче и разнообразнее, чем считалось ранее. Она тесно связана с общим словарным фондом и постоянно пополняется» [23, с. 4–5].

Отдельные аспекты ЗИС немецкого языка активно изучаются в славяноязычных работах. В области ономатопои исследуются фоносемантические аспекты образования звукоподражательных междометий [20], сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках [8], ономатопоэтические глаголы в современном немецком языке [6], структурно-семантические особенности звукоподражательных глаголов современного немецкого языка [11], сопоставление словообразования звукоподражаний в немецком, французском и русском языках и коннотативный аспект значения звукоподражательных слов в рассматриваемых языках [24], семантический аспект и словообразование звукоподражательных слов [23]. Исследователи опровергают утверждение о незначительной роли ЗИС в не-

мецком языке. Изучение звукоизобразительности в немецком языке в данных работах сосредоточено в русле лексико-семантической фоносемантики.

Многие исследования проводятся на сопоставительном материале: немецкий и русский [8; 18; 19], немецкий и новогреческий [10], немецкий, французский и русский [24], что позволяет установить как универсальные, так и некоторые специфичные свойства немецкой звукоизобразительности.

Одна из значительных работ по изучению звукоподражательности в немецком языке принадлежит С.А. Филимоненко. Опираясь на исследования звукоизобразительности в английском, кумыкском, русском языках, С.А. Филимоненко выделяет в звукоподражательных глаголах современного немецкого языка пять лексико-семантических групп [23]: 1) природные звуки: *plätschern vi* «журчать»; *tro(ö)pfen vi* «капать»; 2) антропоцентричную группу: *gurgeln vi* «полоскать горло»; *kichern vi* «хихикать»; 3) анимальную группу: *bläffen vi* «лаять»; *bähen vi* «блеять»; 4) звуки, издаваемые рукотворными предметами и механизмами: *flöten vi* «играть на флейте»; *orgeln vi* «играть на органе»; 5) смешанный тип (источником звука выступают природа, человек, животное или механизм): *kratzen vt* «царапать»; *grapschen vt* разг. «жадно хватать, цапать».

Для звукоизобразительной лексики характерно развитие двух типов полисемии: внутри самой ЗИ-системы (когда все члены синонимического ряда являются звукоизобразительными словами) и за её пределами, т.е. на основе семантической корреляции с другими незвуковыми тематическими группами. Отмечается важная роль процессов вторичной номинации, из которых наиболее существенными являются метафорические переносы. Метафорические переносы ЗИ-глаголов выражены четырехчленной оппозицией: перенос *животное – человек*, *природа – человек*, *природа – животное*, *механизм – животное/человек*, где наибольшее распространение получили первые два типа связи [23, с. 14–15].

Свойство словообразовательной продуктивности ономастических, что называется, лежит на поверхности. Этот вопрос не раз привлекал внимание исследователей немецкой ЗИ. Для звукоподражательной подсистемы немецкого языка типичны все основные способы морфологического словообразования, характерные для лексической системы немецкого языка в целом, кроме сокращений [23, с. 24]. О.А. Хабибуллина исследует словообразовательный потенциал звукоподражательных слов в немецком, французском и русском языках в сопоставительном плане. Автор выделяет пять типов словообразовательных гнезд немецких ономастических: гнезда-слова, гнезда-пары, гнезда-цепи, веерные гнезда и гнезда-деревья [24, с. 10]. С.А. Филимоненко считает, что в немецком языке правомерно выделять только два типа гнезд: веерные гнезда и гнезда-деревья. Вне зависимости от частеречной принадлежности вершины

словарного гнезда (междометие, глагол, существительное) его глубина может составлять от одного до трех деривационных шагов [23].

По данным С.А. Филимоненко, редупликация и трипликация нетипичны для немецкого языка. Редупликация засвидетельствована только у звукоподражаний: *Tamtam*, п «тамтам» (ударный музыкальный инструмент азиатского происхождения), *blablabla* межд. «вздор!». Наличие редупликации исторически засвидетельствовано у восьми глаголов (*beben* «дрожать, сотрясаться», *dudeln* «дудеть», *kuckucken* «куковать», *lallen* «болтать», *plappern* «тараторить», *quieken* «пищать, визжать», *zittern* «дрожать», *quinquillieren* сев.-нем. «свистеть») и только у одного прилагательного (*plemplem* «свихнувшийся»). В немецком языке редупликация выступает в виде удвоенных аблаутированных (*Klingklang* «звон», *ritschratsch* «трп!») (звук разрывания ткани, бумаги и т. п.) и рифмованных (*Klimbim* «музыкальный оркестр», *Remmidemmi* «шум, переполох») образований [23, с. 9].

Что касается стилистического статуса слова, многие ономотопы характеризуются четко выраженной разговорной окраской. Одновременно с этим звукоподражательные слова встречаются в терминологии, главным образом это охотничья и фонетическая лексика (*keckern* охот. «лаять (о лисе)», *knappen* охот. «токовать (о глухарях)», *quorren* охот. «токовать», *Hauchlaut* «глухой придыхательный звук», *Zischlaut* фон. «сибилянт») [23, с. 5, 10].

Однако данные подходы к изучению ономотопей не проясняют их фоносемантического статуса. Таким образом, несмотря на обилие работ по фоносемантической грамматике в немецком языке, многие вопросы остаются нерешенными и требуют дополнительных исследований.

В настоящее время не уточнен грамматический статус звукоподражательных слов в немецком языке: они, как правило, обозначаются в словарях как междометия (*Interjektiv*), далее следует помета: *звуконодр. (lautmalend)*. Ономотопеи и междометия с давних пор объединяют в один класс. Вопрос о частеречном статусе звукоподражаний и междометий считается спорным. На основе семантики в немецких междометиях выделяются слова, выражающие эмоции, слова-команды и звукоподражания [28, с. 44]. Г. Вайнрих выделяет три группы междометий: ситуативные, экспрессивные и имитативные звукоподражания [32, с. 858–860]. В.Т. Косов в немецких междометиях выделяет три группы: истинные междометия (*ah, ach, aha* и др.), звукоподражательные (*bauz, pardauz, klippklapp* и др.) и производные (*Donnerwetter, Gott* и др.) [12]. Как отмечает Р.И. Бабаева, в этой классификации смешиваются разные критерии [3, с. 161].

В последнее время исследователи часто обращаются к коммуникативно-прагматическим свойствам интеръективов: проблема концептуализации и денотативного статуса отыменных междометий [1], функционально-

стилистические аспекты интеръективов [2], коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе [4], роль и функции междометий в диалоге [19], междометные фразеологические единицы [18]. Интеръективы выражают не только эмоции, но и имеют интеракциональные функции: участвуют в организации речевого акта.

Немецкие междометия имеют следующие функции: эмотивная, метакоммуникативная (регулятивная), модальная и синтаксическая функции [3; 29]. Р.И. Бабаева на основе словарей и спонтанных диалогов наряду с основной эмотивной функцией междометия (*ach* – передача удивления, восхищения, сожаления, возмущения) отмечает еще прагматические функции: 1) организацию дискурса: открытие речевого шага, смена темы, корректировка; 2) модальность: незначительность, низкая оценка, недоверие, очевидность, усиление желания [3, с. 178]. Междометие *ah* в русском языке обладает более широким функциональным потенциалом [26]. С одной стороны, на наш взгляд, проблема интеръективов в немецком языке разработана недостаточно, в том числе и несистемная лексикографическая фиксация. С другой стороны, принадлежность к системе того или иного языка определяет функциональный диапазон интеръективов, что требует специальных, в том числе и сопоставительных исследований.

По мнению Е.Ю. Кустовой, которая занимается исследованием французских междометий, звукоподражания и междометия входят в один онтологический и функциональный класс интеръективов того или иного языка, «интеръективные формы, имеющие звукоизобразительный (ономатопеический), звукоименный и эмоционально-симптоматический характер, объединяются на общей основе своей прототипической когнитивной интеракциональной природы» [13, с. 62]. Проторечевая интеракциональность данных форм, на наш взгляд, не вызывает сомнения, однако в эволюции языка только ономатопея сохраняет очевидную знаковую иконичность. Возможно, с этим связана слабая способность звукоподражаний заимствоваться.

При этом их функционирование в различных языках обретает специфику. Так, для русских междометий Е.Ю. Кустова отмечает следующие типологические черты, отличающие их от французских междометий: 1) синтаксическая функция образования интеръективных устойчивых (фразеологизированных) синтаксических схем в составе предложения; 2) морфологизация звукоизобразительных форм, приобретающих значение глагольного сказуемого [13]. Для русского разговорного языка характерно употребление так называемых междометных глаголов (звукоподражаний) *хлоп*, *бряк*, *бабах* и пр. в функции сказуемого (*Он бряк-бряк по столу-то; Матрос хватить наган, и хлоп его как муху*), что, как отмечает Е.А. Земская, не свойственно немецкому, английскому, французскому разговорным языкам [9].

На наш взгляд, проблемы грамматического статуса немецких интеръективов связаны с их особым (маргинальным, переходным) статусом [27]. Для ономастических в немецком языке характерна грамматическая переходность. Первичное звукоподражание может обозначать действие, как глагол (*Bums, da liegt er!*); предмет, как существительное (субстантивация), (*Krach machen* разг. «учинить скандал»); признак действия, как наречие (адвербиализация) (*in einem Schwupp* разг. «разом, мигом»; *eine halbe Zigarette höchstens, und schwupp war sie in seiner Jackentasche verschwunden*) [3]. Особой функционально-грамматической группой, по мнению Е.Н. Кандаковой, С.С. Шляховой, следует считать подзывные слова. В немецком языке также существует такая группа: например: *kusch* «цыц!» лежать! (приказание собаке), *put* «цып-цып» подз. слова для кур, цыпляют.

Первообразные междометия немецкого языка являются элементами многих фразеологизмов. Например: *ach: Ach ja! Ach je! Ach prima!, Ach so!; Ach was!; Ach wo!; Ach du Schreck!; Ach du Schande!; Ach komm! Ach Unsinn! Ach du liebe Zeit!; Ach Gott! Ach du lieber Himmel!* Слово *ach* из всех междометий немецкого языка является самым продуктивным элементом в создании устойчивых сочетаний [3, с. 190].

Фоносемантика рассматривает ономастическую как одно из наиболее значимых свидетельств примарной мотивированности языкового знака, которая лежала в основе проторечи. Исследования А.М. Шахнаровича, Е.И. Исениной, Н.И. Лепской показывают, что первичная невербальная система коммуникации ребенка позднее переходит в «звукоизобразительную» стадию, когда первые слова отражают фундаментальное свойство детской речи: приблизить звуковую форму к изображаемому предмету или явлению, когда ребенок ищет буквального отражения действительности. В словаре Duden имеются слова с пометой *Lallwort (детское)*. Ср: нем. *baba* «звук укачивания», рус. *бай*, англ. *by*.

Этот звуковой корень в немецком языке развивает множество значений: *Babbel m dial.* «рот; болтливый язык»; *babbeln vt разг.* 1) «лепетать; мямлить»; 2) «болтать (вздор)»; 3) «попрошайничать»; *Babbelwasser n* *Babbelwasser getrunken haben фам.* «трещать без умолку»; *Baba f вост.-нем. det.* «постелька, кровать»; *baba adj det.* «бьяка»; *Babe f вост. ср.-нем.* 1) «омлет» 2) «баба» (печенье) 3) «старуха» 4) «дух ржи» (символическая фигура из снопов); *Babusche f вост.-нем.* «бабуша, домашняя туфля» (из войлока или материи); *pl* «шлёпанцы»; *Babuschka f разг.* «матрёшка». Как видно, некоторые значения характерны только для немецкого языка. Ср.: *baba* «бьяка»; *Babe* «омлет»; *Babusche* «бабуша, домашняя туфля» (из войлока или материи), *pl* «шлёпанцы». На наш взгляд, данная проблема заслуживает отдельного исследования.

Универсальная (типологическая) фоносемантика предполагает системное типологическое описание звукоизобразительной лексики различных языков и выявление на этой основе закономерностей примарной мотивированности этого пласта лексики. Здесь фоносемантика тесно смыкается с фонетикой, фонологией, лингвистической типологией и общим языкознанием. В основе типологии лежит объективная универсальная классификация онома톱ов, разработанная С.В. Ворониным [5], которая четко различает ономатопею и звукоимоволизм. В звукоподражательной подсистеме ЗИС любого языка по характеру денотата имеются акустические и артикуляторные ономатопы. Среди акустических ономатопов, под которыми понимаются единицы, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные звучания внешней среды, выделяются три класса и два гиперкласса ономатопов (всего 18 типов) [5, с. 45]. В основе номинации ономатопов лежат признаки объектов, воспринимаемые в слуховой модальности человека, т.е. их звучания. Выбор того или иного типа фонем, входящих в состав ЗП, обусловлен акустическими параметрами [высота, громкость, время, регулярность (периодичность) колебаний, диссонантность] звучания денотата.

Модели ономатопов представлены на уровне фонемотипа (смычный, целевой, взрывной, сонорный и пр.), что позволяет рассматривать различные языки как сопоставимые системы.

Так, например, чисто шумовые «предударные» инстанты-континуанты, которые обозначают удар с предшествующим чисто шумовым неударом (тип 12 по классификации С.В. Воронина), одинаково структурируются в русском и немецком языках:

$\text{FRIC}^{\text{гл.}} + \text{SON}^{\text{лаб./лат.}} + \text{VOC} (+ \text{FRIC}^{\text{гл.}}) + \text{PLOS}^{\text{гл.}}$
 $\text{AFFR} + \text{FRIC}^{\text{гл.}}$

Ср.: рус. *хлоп, шлеп, хлесь, шмяк, хлесть* и нем. *klapp, klick, klatsch, klitsch* «звук удара, стук», *knack, knick, knips* «хруст, треск».

Фонетические сочетания в немецком языке *kl* и *kn* обладают сходными изобразительными функциями. Статистический анализ, проведенный А.В. Левицким, обнаружил высокую степень сопряженности между фонетическим признаком [*kn*] и семантическим признаком [трещать]: $K = 0,78$. Данные фонетико-семантические связи относятся к группе звукоподражаний [16, с. 71–72.]. «Специфика фоносемантических единиц связана с их постоянным эволюционным дрейфом из одной сферы в другую, когда трудно определить, где заканчивается звукоподражательность и начинается звукоимоволизм» [27, с. 69].

В русской ЗИС классы ударов составляют около 84 % всего состава ономатопей [27, с. 60]. Представляется, что данная проблематика недостаточно изучена в немецком языке. В дальнейшем необходимо исследовать со-

став, специфику фоносемантических моделей немецких ономатопопов удара, их семантику, этимологию и функции в сопоставлении с русским языком и выявить универсальность и специфику данной группы слов в немецком языке. Ономатопопы удара развивают сходные значения в немецком и русском языках:

Ср.: *bums* «звук удара, стук», *bumsen vi* «бухать, стучать», *grub* «трахнуть», *жарг.* «застукать». В немецком языке наблюдается своеобразие значений ономатопопов удара:

Ср.: *knacks* «звук хруста, треска, хруст при разгрызании пищи».

knacken vi: 1) «трещать; хрустеть щёлкать (пальцами; суставами пальцев)»; 2) *an dem Kerl knackt (ja) alles* «этот парень одет с иголки»; 3) «дрыхнуть»;

knacken vt: 1) «щёлкать, грызть (орехи)»; «давить (блох)»; «бить (вшей)»

2) *einen Geldschrank knacken* «взломать несгораемый шкаф»;

3) *ein Rätsel knacken* «разгадать загадку»;

4) *Flöhe knacken вульг.* «бездельничать, прозябать»;

5) *молод. вульг.* «трахнуть»;

alter Knacker «старый хрыч».

Knacki m «отсидевший в тюрьме, бывший зэк».

Knacks m: 1) «дефект», «изъян»;

seine Gesundheit hat einen Knacks bekommen «его здоровье пошатнулось»

einen Knacks haben «тронуться, свихнуться, быть не в себе».

Ономатопопы удара в русском языке почти всегда развивают значение «говорить, сказать». В немецком языке наблюдается подобная тенденция:

Ср.: *klapp* «звук легкого удара, стук»; *klappern vi*: 1) «громыхать; стучать; трещать; дребезжать; греметь»; 2) «щёлкать (зубами, клювом), стучать зубами от холода»; *klappern vi* «болтать».

Ономатопопы говорения в ЗИС русского языка выделяются в особую группу, которая лежит как в сфере ЗП, так и в сфере ЗС [27, с. 69]. Очевидно, что такая группа имеется и в немецком языке.

Краткий обзор основных работ по исследованию звукоподражательности в немецком языке позволяет сделать вывод о том, что ЗП в немецком языке требует более глубокого, системного анализа. Современная фоносемантика включает множество направлений исследований, однако большинство работ на материале немецкого языка находится в русле традиционных подходов, не учитывающих принцип примарной мотивированности языкового знака. Специальные работы, посвященные немецкой звукоизобразительности, ориентированы не на фоносемантическую специфику, а грамматические и словообразовательные возможности звукоизобразительной лексики, а также ее семантический потенциал.

Среди проблем исследования ономастопеи немецкого языка можно выделить следующие: отсутствие системного описания ономастопеической лексики немецкого языка. Ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании ономастопы как языковые универсалии до сих пор не были объектом систематического типологического изучения. Русскоязычные и немецкоязычные исследователи немецкой звукоизобразительности существуют автономно как друг от друга: не создаются научные объединения; не разрабатываются и не внедряются общие методики исследования, позволяющие сопоставлять полученные данные.

Еще одна проблема – отсутствие специализированных словарей. Преимущество европейской и американской фоносемантики в том, что там целенаправленно ведется лексикографическая работа по фоносемантическим единицам, которая реализуется в словарях и списках. Наиболее представлены в лексикографии английский и японский языки.

Многие немецкоязычные работы, по данным М. Магнус [30], основаны не на немецком материале: индийский язык, австронезийские языки, алеманский язык, африканские языки, а русскоязычные работы рассматривают немецкий материал лишь в качестве сопоставительного: немецкий и русский [8; 18; 19], немецкий и новогреческий [10], немецкий, французский и русский [24], что позволяет увидеть универсальность, но упустить из виду специфику немецкой звукоизобразительности.

Слабо исследованы фоносемантические свойства морфем определенно-го акустико-артикуляторного строения (инстанты, континуанты, фреквентативы) и фонемотипа (С.В. Воронин), морфемотипа (А.Б. Михалев). Не решаются на материале немецкого языка вопросы, связанные с фоносемантическими полями (А.Б. Михалев).

Недостаточно исследований звукоподражательности на материале детской речи. Как известно, явление звукоизобразительности является одним из важнейших факторов в становлении и развитии речи.

Нам неизвестны специальные исследования на немецком материале в рамках этимологической, типологической, функционально-стилистической, грамматической фоносемантики, хотя в работах В.В. Левицкого в той или иной мере эти аспекты затрагиваются [14; 15; 16; 17].

Можно предполагать, что ономастопы являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития языка как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии» [27, с. 34]. Исследования в русле этимологической фоносемантики позволяют установить количественный и качественный потенциал звукоизобразительной лексики, ее строгую упорядоченность в языке, а также то, что звукоподражательные слова развивают множество значений

самых абстрактных, обладают высокой словообразовательной продуктивностью и отличаются широкой сферой бытования [5; 25; 27]. Описание немецкой лексики в данном направлении может привести к расширению сферы лексики, которую возможно квалифицировать как примарно мотивированную. Дальнейшая систематизация и осмысление звукоизобразительной лексики позволяют решить проблемы, связанные с языковой семантикой, этимологией, функционально-стилистической и жанровой парадигмой текста, текстовой семантикой.

Требуется решение вопросов грамматической фоносемантики: грамматические критерии немецких звукоподражательных слов, фоносемантические универсалии, соотношение аффиксации, редупликации, апофонии, конверсии, словосложения и звукоизобразительности и пр.

Необходимость функционально-стилистического подхода в фоносемантике обусловлена не только спецификой функционирования звукоизобразительных слов (ориентация на живую речь), но и возможностью более полного и широкого охвата их семантики, что позволит подойти к адекватному пониманию фоносемантических механизмов в языке как системного явления. Относительно немецкого языка данный вопрос остается слабо исследованным.

Таким образом, несмотря на богатую историю изучения немецкой звукоподражательности, в исследовании ономотопеи остается множество нерешенных проблем, которые требуют научного разрешения.

Список литературы

1. Алференко Е.В. Семантика и прагматика отыменных междометий немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1999.
2. Анищенко А.В. Функциональный аспект междометных единиц. На материале современной австрийской художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.
3. Бабаева Р.И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008.
4. Болтнева Н.А. Коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе. На материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004.
5. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982.
6. Глухарёва Е.А. Ономотопозитические глаголы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978.
7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
8. Дементьева Н.А. Сопоставительно-семантический анализ глаголов звучания в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1982.

9. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Зимова М.Д. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогерманском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005.
11. Корниенко Л.И. Структурно-семантические особенности звукоподражательных глаголов современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1983.
12. Косов В.Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963.
13. Кустова Е.Ю. Лексико-грамматические аспекты: семиогенез и интеракциональные функции: дис. ... д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2010.
14. Левицкий В.В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков: монография. – Черновцы: Рута, 1997.
15. Левицкий В.В. Семантический синкретизм в германском и индоевропейском // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 94–106.
16. Левицкий В.В. Звуковой символизм: мифы и реальность: монография. – Черновцы: Рута, 2009.
17. Левицкий В.В. Семантические дериваты индоевропейских корней со значением «резать» // STUDIA GERMANICA ET ROMANICA: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. – 2009а. – Т. 6., № 1(16). – С. 69–79.
18. Литовкина А.В. Междометные фразеологические единицы: семантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики: дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. – 213 с.
19. Максимова С.Э. Регулятивная функция междометной реплики в диалоге. На материале немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2000. – 189 с.
20. Матасова О.В. Звукоподражательные междометия немецкого языка: фоносемантический и семантико-диахронический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006.
21. Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля – Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 1995.
22. Пауль Г. Первотворчество // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л., 1990. – С. 45–58.
23. Филимоненко С.А. Звукоизобразительная лексика в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2008.
24. Хабибуллина О.А. Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003.
25. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие. – Пермь, 2003.

26. Шляхова С.С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2004.
27. Шляхова С.С. «Другой язык». Опыт маргинальной лингвистики. – Пермь, 2005.
28. Burkhardt A. Interjektionen: Begriff, Geschichte, Paraphrasen // *Particulae paticularum: Festschrift zum 60. Geburtstag von Haraldt Weydt.* – Tuebingen: Stauffenburg Verlag, 1998. – S. 43–73.
29. Hilmer H. Schallnachahmung, Wortschoepfung und Bedeutungswandel. – Halle, 1914.
30. Magnus. M. *Gods of the word.* – Truman State University Press, 2001.
31. Marchand H. Review of Heinz Wissemann's *Untersuchungen zur Onomatopoeia* // *Indogermanische Forschungen.* – 1959. – № 64. – S. 83–87.
32. Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache.* – Mannheim; Leipzig; Wien; Zuerich: Dudenverlag, 1993.
33. Wissemann H. *Untersuchungen zur Onomatopoeia.* – Heidelberg: I. Theil, 1954.

Получено 20.07.2010